

УДК 811.111:81'37:159.955

ЯЗЫК ЭМОЦИЙ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ФОРМАТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Ю.Ю. Шамаева, канд. филол. наук (Харьков)

Данная статья посвящена осмыслению языка эмоций как интегративной онтологии репрезентации знаний в языке с учетом его интерпретирующей функции. Особое внимание уделяется взаимодействию репрезентативного, семиотического и интерпретационного измерений оперирования знанием посредством языка эмоций как результата реализации ним базовых когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций.

Ключевые слова: знание, интерпретация, репрезентация, эмоция, языковая функция.

Шамаєва Ю.Ю. Мова емоцій як інтегративний формат репрезентації знання. Стаття присвячена осмисленню мови емоцій як інтегративної онтології репрезентації знань у мові з урахуванням її інтерпретуючої функції. Особлива увага приділяється взаємодії репрезентативного, семиотичного та інтерпретаційного вимірів оперування знаннями через мову емоцій як результату реалізації нею базових когнітивної, комунікативної та інтерпретуючої функції.

Ключові слова: емоція, знання, інтерпретація, мовна функція, репрезентація.

Shamayeva Yu.Yu. The language of emotions as an integrative format of representing knowledge. The present article focuses on analyzing the language of emotions as an integrative ontology of representing knowledge in a language, taking into account its interpreting function. A special emphasis is on the interaction of the representative, semiotic and interpretative dimensions of operating knowledge through the language of emotions as the result of its realizing the core cognitive, communicative and interpretative functions.

Key words: emotion, knowledge, interpretation, language function, representation.

В настоящее время интенсивное развитие теоретических и эмпирических исследований когнитивных процессов в языке, когниции, эмоции и языка на разных уровнях их взаимодействия [5; 12; 31], возникновение частных теорий языковой концептуализации и категоризации эмоций [32; 33] привело к необходимости комплексного осмысления изучаемых вопросов на основании общей теории репрезентации знаний в языке эмоций [19; 24; 27; 28], что обуславливает актуальность нашей работы с позиций когнитивной лингвистики, эмотиологии, поскольку исследованию эмоций как «одной из самых сложных систем человека, в возникновение, развитие и появление которых принимают участие практически все системы – перцепция, физиология, интеллект и т.д.» [33, с. 101] и их представленности в языке посвящено множество ра-

бот (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицка, А. Зализняк, Л.Н. Иорданская, И.Б. Левонтина, О.П. Воробьева, А.Н. Приходько, Z. Kovacs, M. Gíman и др.) и семиотики, где «общая семиотическая теория единого информационного мира еще даже не начала создаваться» [20, с. 6].

Цель настоящей статьи заключается в осмыслении языка эмоций – объекта нашего исследования – как интегративной онтологии репрезентации знаний в языке с учетом его интерпретирующей функции. Предметом исследования являются репрезентативный, семиотический и интерпретационный аспекты оперирования знанием в языке эмоций как интегративной онтогенетической системе вербализации их ментальных репрезентаций, объединяемых в когнитивную матрицу ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

в языковом сознании экспериенцера, поскольку применительно к нашей науке – «всеобщей гуманитарной науке» – объекты изучения должны носить характер «ансамблей», – масс, групп, классов, сообществ явлений, т.е. быть множествами чего-то... пусть лишь с точки зрения обычного языка» [21, с. 14]. Отметим также, что под знанием мы имеем в виду любые его виды: «знание теоретическое и обыденное, рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное – любые когнитивные образования, выступающие как результат переработки (эмоциональной) информации человеком в его взаимодействии с миром» [10, с. 68].

Теоретико-методологической базой для достижения вышеуказанной цели являются разрабатываемые в современной лингвокогнитологии теории концептуализации и категоризации [3; 4; 7; 14; 29], а также понимание языка как одной из когнитивных способностей человека в фокусе метакогниции – «области лингвистического знания, которая достигается в процессе познания самого языка и которую называют «когницией о когниции», имея в виду, что когниция здесь ориентирована на её же собственный анализ» [15, с. 54].

Представляется, что непосредственно репрезентативный аспект связан с языковыми формами представления знаний в процессах концептуализации и категоризации мира [14] в то время, как семиотический аспект обеспечивает выявление особенностей когнитивных и языковых механизмов формирования языковых значений и смыслов как на системном, так и на функциональном уровнях на основе ведущего как в когнитивной лингвистике, так и в прагматике принципа инференции, лежащего и в основе импликатур П. Грайса, и в концептуальной семантике Р. Джакендоффа, и в когнитивно-дискурсивной парадигме Е.С. Кубряковой. Любой знак становится знаком только при условии существования определенного когнитивного контекста, в который он включается, что позволяет эксплицировать «интерпретанту инференциальной коммуникации» [8, с. 277], включая вербальную коммуникацию эмоций, т.к. «между образом мира как частью сознания личности

(по А.Н. Леонтьеву) и реальными реакциями человека, включая когнитивные, эмоциональные, вербальные и т.п., стоит личность как сгусток жизни, продукт кристаллизации в форме субъекта, всегда несущего в себе свою историю, эмоции и реальную биографию» [16, с. 280]. Действительно, сам процесс семиозиса предполагает «четыре компонента: 1) знаковое средство (законодатель, или тело знака); 2) то, на что указывает знак «десигнат»; 3) воздействие, в силу которого объект воспринимается как знак (интерпретант), 4) тот, кто интерпретирует (интерпретатор)» [9, с. 6]. В этой связи, суть интерпретационного аспекта оперирования знанием в языке эмоций, мы, вслед за Е.С. Кубряковой [14; 15] и Н.Н. Болдыревым [1; 2], видим в разнообразных способах и механизмах интерпретации мира и вторичной интерпретации знаний о нем. в языке эмоций, который, как и любая языковая деятельностная структура «может рассматриваться как центральный функциональный орган человеческой психики» [22, с. 31].

Язык эмоций выполняет когнитивную, коммуникативную и интерпретирующую функции [2; 32]. Последняя в языке связана или обуславливает множество дополнительных функций (например, эмотивно-экспрессивную, эстетическую, фатическую (Р.О. Якобсон), ориентирующую (Е.С. Кубрякова), поэтическую (Ю.М. Лотман, манипулятивную (Г.И. Копнина, М.Ю. Урнов) и другие) и соответствует интерпретационному аспекту языкового оперирования знанием, что обосновывается в работах Р. Павилёниса [18], В.З. Демьянкова [6], Р. Джэкендоффа [30], где прослеживается мысль о том, что языковые выражения (в том числе выражения эмоций) приобретают конкретное смысловое наполнение исключительно в рамках определенной концептуальной системы, являясь результатом интерпретирующей деятельности индивида. Подтверждением реализации языком эмоций трех этих функций и существующих корреляций между ними подтверждается также наличием трех основных систем языковой концептуализации и категоризации мира [2; 25; 29]: лексической (лексические категории, предоставляющие доступ к «семан-

тической информации о фокусной среде (эмоционального пространства личности, в нашем случае) как основанию для её моделирования» [26, с. 132] – репрезентативный аспект оперирования знанием), грамматической (грамматические категории детерминируют то, как именно знание репрезентируется в языке и схематизируется согласно принципам вербальной коммуникации – коммуникативный аспект) и интерпретирующей (модусные категории, одной из которых является категория ЭМОЦИИ, передают способы интерпретации такого знания индивидами (интерпретационный аспект).

Итак, репрезентация знаний и опыта переживания эмоций человеком в языке эмоций представляется результатом двух главных когнитивных процессов, которые осуществляются посредством языка – концептуализации и категоризации. Так выделяются объекты и события разного уровня сложности и их осмысление как единиц знания разного формата. В концептуальной системе экспериментера эти единицы знания представлены в виде концептов эмоций как «ментальных репрезентативных пространств «внутри» индивидуального ментально-эмоционального опыта, референтных определенным элементам символической системы словесных знаков) и выступающих в качестве психического носителя усвоенного опыта (его «операнда») со своей топологией, метрикой и динамикой» [25, с. 180], их категорий и субкатегорий различной степени генерализации, члены которых определяются на основании наличия у каждого из них дифференциального концептуального признака либо совокупности таких признаков представителя определенного класса, что В.В. Красных определяет как «когнитивная образная составляющая» [13, с. 215]. При этом, именно репрезентативный аспект языка предполагает первичную концептуализацию и категоризацию мира, которая осуществляется, преимущественно, на базовом уровне и представлена в главном значении слов главным образом конкретно-предметной и конкретно-признаковой семантики.

Семиотическое измерение оперирования знанием в языке эмоций, в свою очередь, тесно свя-

зано с означиванием и смыслопорождением, с фиксацией конкретного смысла той или иной языковой единицей в формате её значения как в процессах первичной концептуализации и категоризации, так и в ходе формирования эмоциональных смыслов в процессах вторичной обработки знаний, их интерпретации. Понимая язык «сначала как функцию, а потом как систему, ... поскольку он функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнить свою функцию и соответствовать определенной цели» [11, с. 156], и принимая во внимание тот факт, что в плане репрезентации знаний языковые знаки могут передавать концептуализированное эмоциональное содержание разного уровня сложности и в разном формате, становится ясно, что на уровне системы знаки передают концепты и категории эмоций, а на функциональном уровне коммуникации – разнообразные ситуативные, операционные эмоциональные смыслы.

По мнению психологов, переработка информации становится познанием, приобретая смысл репрезентации окружающего мира, в той степени, в какой когнитивная система включена в мир и развивается в этом мире» [23, с. 7], и при этом интерпретация базируется на типизированных схемах знания коллективного характера, зачастую представленных в репрезентативном измерении языка как коллективного явления, что еще раз подчеркивает неразрывность когнитивной и интерпретирующей функций. Из этого следует, что связь интерпретации с репрезентацией и коммуникацией обеспечивается тем, что языковая интерпретация может проявляться в трех основных типах, реализующих соответственно её три главных целевых функции [2; 6; 30]: селекции (что проявляется в способах оязыковления концептов как части физического познания мира), классификации (как части ментального познания мира, т.е. освоения знаний о мире) и оценки (в плане оценочной концептуализации и категоризации как исключительно языковой системы межличностной ориентации в мире).

Органичное взаимодействие выявленных нами аспектов оперирования знанием в интегративном

пространстве языка эмоций с учетом выполнения ним трех базовых функций можно увидеть на примере фрагмента проводимого нами исследования семных составов лексических значений номинаций эмоций для выявления вербализованных базовых концептуальных характеристик модусного концепта ЭМОЦИЯ как основания категории ЭМОЦИИ в структуре когнитивной матрицы ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ, поскольку «в когнитивном аспекте лексические значения слов представляют собой сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания» [17, с. 26]. На данном этапе нами были выявлены следующие классификационные основания и признаки:

1) ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭМОЦИИ – а) альтруистические (*нежность, радость, забота, участие*); б) коммуникативные (*симпатия, расположение, обожание, уважение*); в) глорические (*самолюбие, гордость, превосходство*); г) практические (*приятная усталость, желание добиться успеха, напряжение*); д) пугнические (*решительность, азарт*); е) романтические (*стремление к необычному, ожидание чуда*); ж) гностические (*удивление, недоумение, догадка*); з) эстетические (*жажда красоты*); и) гедонистические (*веселье, беззаботность, безмятежность*); к) аквизитивные (*стремление коллекционировать, покупать, знакомиться*); 2) ДЛИТЕЛЬНОСТЬ (*эмоция, чувство, настроение, эмоциональное состояние, аффект, эмоциональное отношение*); 3) ИНТЕНСИВНОСТЬ (например, *восхищение/восторг, симпатия/любовь; удивление/изумление; отвращение/омерзение; неприязнь/ненависть* и т.д.); 4) ПОЛЯРНОСТЬ (положительные (*удовольствие, радость, блаженство, умиление, симпатия, предвкушение, доверие* и т.д.), отрицательные (*горе, отчаяние, тоска, зависть, злоба, раскаяние, стыд, ревность, сомнение, нетерпение, отвращение* и т.д.), и нейтральные (*равнодушие, интерес, спокойное созерцание*)); ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ/ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ (стенические эмоции, повышающие жизнедеятельность организ-

ма, и астенические – ослабляющие её).

Таким образом, язык эмоций проявляет себя как интегративная онтология репрезентации знаний экспериенцера, являясь пространством взаимодействия репрезентативного, семиотического и интерпретационного аспектов оперирования этим знанием, что обуславливается реализацией языком эмоций когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций. При этом первичная репрезентация знаний о мире оказывается опосредованной селективной интерпретацией и ориентированной на принципы вербальной коммуникации как семиотические принципы порождения эмоциональных смыслов на разных уровнях. Вторичная репрезентация как вторичное осмысление знаков в процессе классифицирующей и оценивающей интерпретации вербализованных знаний обеспечивает уникальную способность языка, включая язык эмоций, с помощью своих ресурсов порождать бесконечное множество эмоциональных смыслов, создавая при этом новые формы их репрезентации в своем пространстве. Дальнейшее изучение языка эмоций в этом направлении с углублением и детализацией структуры и содержания оязыковленных таким образом концептов и категорий эмоций как составляющих когнитивной матрицы ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ с концептуальным моделированием архитектоники последней как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах на материале английского языка и составляет перспективу нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур / Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2011. – С. 23–32.
2. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции / Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2013. – С. 12–21.
3. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2.т. – Т.2 / Б.М. Величковский. – М. :

- Смысл: Изд. центр «Академия», 2006. – 432 с.
4. Воробьева О.П. Концептология в Украине: обзор проблематики // Лингвоконцептология: перспективные направления / О.П. Воробьева. – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ им. Тараса Шевченко», 2013. – С.10–37.
 5. Данько С.Г. Состояния коры мозга человека при внутренней индукции эмоций // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. – Вып. 2 / С.Г. Данько. – М. : Ин-т психологии РАН, 2008. – С. 48–72.
 6. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
 7. Жаботинская С.А. Принципы создания ономазиологических моделей и событийных схем в языке // Горизонты современной лингвистики : сб. в честь Е.С.Кубряковой / С.А. Жаботинская. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 381–400.
 8. Заботкина В.И. К вопросу о соотношении семиотики и когнитивной лингвистики / В.И. Заботкина // Языковые параметры современной цивилизации : сб. тр. I науч. конф. памяти акад. РАН Ю.С. Степанова. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Калуга : ИП Шилин И.В. («Эйдос», 2013. – С. 275–285.
 9. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
 10. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика. В поисках идентичности / В.Б. Касевич. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 192 с.
 11. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. Вып. III. – М. : Прогресс, 1963. – С. 143–343.
 12. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008. – 374 с.
 13. Красных В.В. Основы психолингвистики : лекционный курс / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2012. – 333 с.
 14. Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знаний) / Е.С. Кубрякова // Принципы и методы когнитивных исследований языка. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 30–45.
 15. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
 16. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2008. – 288 с.
 17. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М.В. Никитин. – М. : Высш. школа, 1983. – 127 с.
 18. Павилёнис Р.Й. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.Й. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
 19. Рожкова Т.В. Когнитивные механизмы образования английских эмоцио-психиатрических терминов / Т.В. Рожкова // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии : сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой. – М. : Авторская академия, 2010. – С. 397–402.
 20. Степанов Ю.С. Вводная статья / Ю.С. Степанов // Семиотика: Антология. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 5–42.
 21. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
 22. Уфимцева Н.В. Психолингвистика в XXI веке / Н.В. Уфимцева // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. – М. : Эйдос, 2009. – С. 21–32.
 23. Ушаков Д.В. Когнитивная система и развитие / Д.В. Ушаков // Когнитивные исследования. Вып. 3. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 5–14.
 24. Фомина З.Е. Эмоциональные концепты в русской, немецкой, австрийской и швейцарской художественных картинах мира / З.Е. Фомина // Лингвоконцептология: перспективные направления. – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ им. Тараса Шевченко», 2013. – С. 363–400.
 25. Холодная М.А. Особенности организации концептуальных структур: онтологический подход / М.А. Холодная // Когнитивные исследования. Вып. 5. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 177–193.
 26. Шамис А.Л. Пути моделирования мышления: Активные синергические нейронные сети, мышление и творчество, формальные модели поведения и распознавания с пониманием / А.Л. Шамис. – М. : Ком-Книга, 2006. – 336 с.
 27. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
 28. Шаховский В.И. Эмоции: До-лингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
 29. Gigerenzer G. Rethinking rationality / G. Gigerenzer, S. Reinhard // Bounded rationality: the adaptive toolbox. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 13–36.
 30. Jackendoff R. Semantics and cognition / R. Jackendoff. – Cambridge, Mass : MIT Press, 1983. – 283 p.
 31. Johnson-Laird P.N. Towards a cognitive theory of the emotion / P.N. Johnson-Laird, K. Oatley // Cognition and emotion. – 1987. – Vol. 1 – P. 29-50.
 32. Kryk-Kastovsky B. Surprise, surprise: The iconicity-conventionality scale of emotions / B. Kryk-Kastovsky // The language of emotion: Conceptualization, expression, and theoretical foundation. – 2007. – Amsterdam: John Benjamins Publishing. – P. 155-173.
 33. McLaren K. The language of emotions. What your feelings are trying to tell you / K. McLaren. – Vancouver: BanyenBooks, 2014. – 415 p.